

Газета для тех, кто любит наш край и хочет знать его историю

Приложение к газете "Вперед", № 12, сентябрь 1995 года

Встреча с академиком Б. А. Рыбаковым

- А когда вы первый раз побывали в Сергиевом Посаде? - спросил академика истории Бориса Александровича Рыбакова приглашенный в небольшом конференц-зале гимназии, чтобы послушать его лекцию на тему: "Откуда есть пошла русская земля..."

И с удивлением (кто-то даже присвистнул) услышали, что было это... в 1913 году, когда пятилетнего мальчика привез в наш город отец, который, будучи ректором учительского института, заехал в Троицкую Лавру по служебным делам.

Борис Александрович давно живет и работает в Хотьково. Пишет очередную книгу о связи античного мира с древними славянами, изучению истории которых посвятил всю свою жизнь.

Археолог и историк, лауреат многих престижных

премий, - в том числе Ленинской и Государственных, ученый с мировым именем, несмотря на предельно насыщенный рабочий день, любезно согласился на наше приглашение прочитать в Сергиевом Посаде две лекции. Хотя и тайл в душе некоторую обиду, как он сказал: "Этого приглашения я ждал более 20 лет".

Полтора часа переполненный зал гимназии слушал рассказ историка, который очередной раз увидел аудиторию, сказав заключение, что сегодня он только прикоснулся к неоглятной теме происхождения русской земли и что нашему поколению предстоит многое сделать в области познания

мира, синтезируя данные различных наук.

Пройдут годы и юные участники встречи не без гордости скажут, что в сентябре 1995 года им посчастливилось слушать лекцию самого академика Рыбакова. Это будет уже в следующем тысячелетии.

А сегодня... Они придут домой и откроют книгу по истории, а может быть им захочется перечитать "Слово о полку Игореве" - великое произведение наших далеких предков. Изучению "Слова..." Рыбаков отдал много лет своей жизни и, как все помнители великое, не познал до конца.

Л. ВАСИЛЬЕВА.

Один из рассказов академика о "Слове..." читайте на 5-й странице сегодняшней газеты. И слышите на следующей его лекцию о культуре Древней Руси. Она состоится сегодня, 23 сентября, в конференц-зале библиотеки ЗОМЗа в 15 часов.

Верим в разумное, доброе, вечное

Сентябрь, как и предполагалось, стал для сотрудников краеведческого отдела музея-заповедника месяцем волнений и ожиданий. Возновался 1 сентября: справились с потоком экскурсантов-школьников? Справились, хотя по числу посещений выставки "Загорчани в годы Великой Отечественной войны", работающей в Малом зале ДК им. Ю. Гагарина, этот день побил все рекорды.

После 1 сентября и прошедшего накануне в залах выставки методического совещания учителей истории и краеведения ожидали потока заявок на экскурсии. Но, увы, наши слова, по всей вероятности, не убедили педагогов посадских школ в том, что молодежи очень важно показывать сейчас именно близкую историю. Как написала в своем отклике на выставку искусствовед Галина Явонина Дайн, "память надо будить, она забывающая. Тогда через неслышанное пережитое станет ближе и далекое прошлое, станет дорожкой настоящее. Чтобы в будущем

могла торжествовать культура".

Сейчас экскурсии проводятся в своем обычном размеренном ритме. А нам жаль тех детей, которые не увидят выставку. Как это не печально, но грядет час ее закрытия. По всей вероятности, это будет 1 октября. Все логично. Дворец культуры - не краеведческий музей. Мы это понимаем, понимаем и то, что наш Дворец испытывает серьезные финансовые затруднения. И считаем, что предоставление в свой нелегкий час краеведческому отделу музея-заповедника двух залов под выставку со стороны Дворца культуры, со стороны руководства ЗОМЗа - это щедрый подарок городу. Полгода мы живем в мире и согласии. И, конечно же, это будет расставание друзей.

Выставка стала ярким доказательством того, что городу нужен краеведческий центр.

Жители района поверили в реальность его открытия. Они увидели себя в залах выставки творцами истории, творцами культуры. Они поняли, что краеведческая работа - часть этой культуры. Важная часть.

И теперь, когда и сотрудники музея, и посетители выставки поверили в то, что открытие краеведческого филиала музея-заповедника не за горами, просим администрацию города решить вопрос о предоставлении временного помещения (до открытия краеведческого филиала музея-заповедника) под выставку. Мы хотим, мы можем их создавать. Это будут новые экспозиции, раскрывающие богатую историю нашего края. Мы оптимисты. Верим в разумное, доброе, вечное. Верим в торжество культуры, которая преобразит нашу жизнь, сделает всех нас духовно богаче и краше.

Л. ГИРЛИНА,
зав. краеведческим отделом
Государственного
историко-художественного
музея-заповедника.

НА ПУТИ К ХРАМУ

Как каждое воскресенье, 9 сентября 1990 года отец Александр Мень встал очень рано, чтобы идти на литургию в маленькую деревянную церковь

в сорока километрах от дома, где он служил вот уже двадцать лет. С вечным портфелем в руке он толкнул калитку сада и направился, как обычно, быстрым шагом к железнодорожной станции, чтобы сесть в пригородный поезд, идущий к Москве. В утреннем тумане он шел узкой дорогой среди деревьев. Листья уже начинали опадать. Впереди был долгий день - исповедь, литургия, крестины, похороны. Несомненно, он будет занят всю первую половину дня. Затем ему нужно будет, торопясь, продолжить путь в сторону Москвы, чтобы прочесть вторую часть лекции о христианстве в Доме культуры на Волхонке...

По всей видимости, он упал перед калиткой, истекши кровью. Широкая рана на затылке явно была от удара топором. Обстоятельства преступления, точность, с которой был нанесен удар, составляют ду-

мать, что это убийство было тщательно подготовлено и совершенно профессионалами.

Убийство это вызвало

русской православной эмиграции, жившей в Париже (она боролась в Сопроителени во время войны и была убита

большое волнение. Только после трагедии вся страна открыла для себя отца Александра и смогла оценить его значение; оценили все, вплоть до высших политических сфер.

За несколько дней до смерти, говоря об одной

нацистами), он заключил свое выступление следующими словами: "Отдать всего себя до конца - это и значит исполнить слово Божье. Только таким образом был спасен мир".

Отдать всего себя до конца...

Сентябрьский номер "Краеведческого вестника" рассказывает о сергиево-посадском периоде жизни Александра Менья. На 4-й странице газеты мы публикуем главу "Под сенью преподобного Сергия" из книги Ива Амана "Александр МЕНЬ. Свидетель своего времени!"

Поэтический образ синего платочка объединил 17 сентября поэтов литобъединения "Свиток", школу авторской песни под руководством Владимира Цыпкина и сергиевских краеведов на выставке "Загорчани в годы Великой Отечественной войны". В тишине зала звучали стихи и песни. И многие зрители не могли сдерживать слез. Это были слезы, очищающие душу.

Мы услышали хорошие стихи и песни. Мы

открыли для себя поэтов-земляков и талантливых исполнителей.

На вечере "Синий платочек" прозвучали стихи поэтов, переживших войну. Это Людмила Кузовкина, Софья Солнцева, Вера Евдокимова, Лидия Динулова. А также поэты Наталья Мартишиной, Марии Муравьевой, Владимира Сокина и Ивана Кудрявцева. На снимке: свои стихи читает Софья Солнцева.

Фото Л. ШЕПТОВИЦКОГО.

Тогда сенью преподобного Сергия

Ив Аман

Родители Александра Мень принадлежали к поколению, которое, в целом, не испытывало сомнений в правильности избранного пути, и строило будущее общество, не ставя перед собой метафизических вопросов. Его отец учился в техническом институте и, получив диплом инженера по текстильной промышленности, полностью отдался своей работе. Еврей по национальности, он утратил веру в детстве под влиянием своего учителя, но все же не стал воинствующим атеистом. Любая религия была ему чужда, но он терпимо относился к ней. Зато мать Александра - Елена была глубоко религиозна. Тоже родившаяся в еврейской семье, она была матерью воспитана в любви к Богу, Творцу Вселенной, любящему всех людей. "Когда я впервые услышала слова о страхе Божиим, - вспоминает она, - я с недоумением спросила маму: "Мы ведь любим Бога, как же мы можем Его бояться?" Мама ответила мне: "Мы должны бороться опротивить Его каким-нибудь другим способом". Этот ответ меня вполне удовлетворил".

Во всем прочем, Елена находилась под большим влиянием своей бабушки (иначе говоря, прабабушки Александра). В семье не без гордости рассказывали, как она была исцелена самим Иоанном Крушицким. В Харькове, в 1890 году, оставшись вдовой с семью детьми, она заболела. Врачам не удавалось ее вылечить. Однажды соседка рассказала ей, что в городе проездом находится знаменитый проповедник и угоревшая ее пойти к нему. Церковь и площадь вокруг были переполнены людьми, но соседка помогла ей пробиться сквозь толпу и подойти к о. Иоанну. Посмотрев на нее, он сказал: "Я знаю, кто вы еврейка, но вижу в вас глубокую веру в Бога. Помолитесь вместе Господу и Он исцелит вас от вашей болезни". Месяц спустя она была совершенно здорова.

С детских лет Елену притягивало христианство. В девять лет она объявила матери, что хотела бы креститься. Новость произвела впечатление разорвавшейся бомбы. Что бы отгнать материнский гнев, брат разбил оконное стекло. Спустя несколько лет она стала бывать на службе в баптистской общине. Однажды присутствовала на крещении взрослого человека в реке и была этим очень впечатлена. Ее контакты с баптистами вызвали дома новые споры. В конце концов, после того, как она помирилась с родителями, в Харькове приехала ее двоюродная сестра Вера и увезла с собой в Москву. Елена окончательно обосновалась в Москве и там вышла замуж.

Вера была на несколько лет старше Елены, душа у нее была очень чувственной и беспокойной, она, как и Елена, также искала. Позже она расскажет, что в возрасте семнадцати лет испытывала каждое воскресенье необъяснимую печаль. Однажды утром, когда Вера работала в легком детском лагере, выйдя в поле, она услышала вдали колокольный звон. "Для всех сегодня воскресенье, но не для тебя!", - сказала ей кто-то из детей. Еле была за десять до приезда сестры в Москву, она подружилась с девушкой ее возраста, принадлежавшей к одному из активных православных кружков в Москве.

Дом отца Серафима

Собор 1917 - 1918 года поставил, среди прочего, перед собой цель - восстановить приходы в виде "маленьких церквей", по образу первых христианских общин. Сам Патриарх Тихон был очень увлечен этой идеей обновления церковной жизни с опорой на приходские общины. С этой целью, после революции, миряне стали объединяться в братства вокруг некоторых священников, талантливых и сильных людей.

В Москве существовали две особенно активных, непосредственно связанных между собой, общины. Самая знаменитая сложилась вокруг церкви святого Николая на Маросейке, где служил отец Алексей Мечев, а после его смерти - его сын о. Сергей Мечев. Это было братство мирян, основанное в 1917 г. Вторая возникла в приходе Св. Кири и Иоанна, где служил отец Серафим.

Почувствовав призывание к священству в ранней юности, отец Серафим, тем не менее, получив техническое образование и до того, как был рукоположен в священник в 1919 г. (ему уже было 39 лет), работал по гражданской специальности. Избрал же, спустя короткое время, он стал монахом. Сам Патриарх Тихон поручил ему приход Св. Кири и Иоанна. До революции отец Серафим бывал в Оптиной Пустыни и там протолкнул одного из старцев позволения быть у него на послушании. Сам он, под влиянием духа Оптиной вывел своих прихожан с тем же терпением и индивидуальным вниманием к каждому, с тем же вниманием к их трудностям, как это было принято в Оптиной.

Отец Серафим не принял декларацию 1927 г. и перешел в подполье. Теперь он был на послушании у владыки Афанасия, одного из не признавших власть митрополита Сергея епископа. Естественно, связь их была исключительно духовной, ибо после революции жизнь владыки Афанасия - цепь непрерывных арестов и депортации в ГУЛАГ, встретиться или связаться можно было лишь время от времени. Отец Серафим неоднократно тайно менял места своего пребывания. Наконец, ему удалось найти приют в Загорске, в доме двух изгнанных из монастыря монахинь. Там, в одной из комнат был обустроен маленький храм, где он тайно совершал богослужения.

Отсюда он продолжал поддерживать своих духовных детей, а также тех из старых прихожан церкви св. Николая, которые нуждались в его помощи после ареста отца Сергея Мечева. Но, разумеется, приехать к нему нужно было незаметно, с большой осторожностью.

Вышеупомянутая подруга Вера была духовной дочерью отца Серафима. Она помогла ей установить с ним связь, сначала письменную. Вера, несмотря на свою любовь к Иисусу Христу, не решалась креститься. Ее удерживали как традиционные предрассудки, типичные для

интеллигенции по отношению к православной Церкви, так и конспиративная обстановка, невозможность поделиться с близкими. Для того, чтобы съездить к отцу Серафиму в Загорск, нужно было придумать какую-нибудь ложь. Кроме того, в те времена еще было в обычай обвинять крестившихся евреев в том, что они приспосабливаются к доминирующему большинству. Хотя теперь самих христиан преследовали, ес мучили опасения, что этот шаг будет воспринят как предательство. И еще, крестившись теперь, взрослой, и к тому же, работая в системе Наркомпрома, в эту эпоху она подвергала себя очень большому риску.

У Елены был более уравновешенный характер. Но ускорило ее решение именно рождение сына Александра 3 сентября 1935 года полдну Вера привела ее с маленьким Аликком поездом до Загорска и привела к отцу Серафиму. Он их уже ждал. Здесь, в маленьком домике, он

Александр с матерью

крестил обоих, и мать, и сына. Затем настала очередь Веры, и она тоже крестилась. Когда у Елены родился второй сын, Павел, естественно, крестить стала Вера. Ей не довелось выйти замуж, она глубоко привязалась к двум детям и помогла Елене их воспитывать. Отец Серафим горячо полюбил двух двоюродных сестер и однажды признался им, что они ему ближе собственных. Когда однажды один из посетителей спросил, чьи эти два мальчика, он ответил: "Они мои".

Елена и Вера регулярно ездили из Москвы в Загорск к отцу Серафиму. Вместе с другими его духовными детьми они участвовали всегда, когда могли, в праздничных богослужениях. Вера оставила воспоминания о первой Пасхальной ночи: "Прежде чем начать богослужение, батюшка послал кого-то из присутствующих убедиться в том, что пенне не слышно на улице. Начавшая пасхальная аггунгера, и маленький ребенок препратился в светлый храм, в котором всех соединило одно, ни с чем несравнимое чувство - радости Воскресения. Крестный ход совершался внутри дома, в сенях и коридоре. Батюшка раздавал всем иконы для участия в крестном ходе".

Не так ли мы представляем себе первых христиан во времена римского гонения? "Катакомбы XX века" - именно так озаглавила Вера свои воспоминания. В январе 1941 года муж Елены был арестован, но не по политическим мотивам, он был обвинен в расстрале. В конце года его оправдали и выпустили на свободу. В период его пребывания в тюрьме материальное положение семьи было тяжелым.

В воскресенье 22 июня 1941 года Вера поехала в Загорск одна. Ленин обещал быть хорошим, погода была прекрасной, Церковь отмечала день

памяти всех Российских святых. Перед самым уходом, Алик ей сказал: "Пожалуйста, узнай у дедушки (так он называл отца Серафима) будет ли война, когда я вырасту?" А прошедшей ночью гитлеровские армии перешли советскую границу. Страна вновь была ввергнута в новые и ужасные страдания. И если Сталин забился в угол и не показывалось целых десять дней, то митрополит Сергий в тот же день составил пастырское письмо, призывая православных защищать Родину. Когда, наконец, Сталин появился, он после обычных "Товарищи! Граждане!" добавил обращение, с которого по традиции начиналась проповедь: "Братья и сестры!" Любопытное изменение словари!

Через Веру отец Серафим тут же посоветовал Елене найти жилище в Загорске или в окрестности и обосноваться здесь с детьми, что она и сделала, к великому удивлению друзей и знакомых, поскольку осенью, перед приближением вражеского полка москвичи уезжали из столицы. Но отец Серафим был убежден, что это место находится под защитой св. Сергия.

Отец Серафим скончался в начале 1942 года. Он был тайно похоронен в подzemелье. За некоторое время перед этим, предчувствуя свою кончину, в первый раз исповедал Алика, хотя тому еще не было семи лет. "Я чувствую себя с дедушкой так, - рассказывал ребенок, - как будто я был на небе у Бога, и в то же время он говорил со мной так просто, как мы между собой разговариваем".

Что же касается отца Серафима, то он давно предсказал уже двум сестрам: "За свои страдания и благодаря вашему воспитанию ваш Алик будет большим человеком". Позже отец Александр выразил беспредельную признательность своей матери и ее сестре за то, что они сохранили пламя веры, открыли ему Евангелие в столь трудные времена, когда вера преследовалась и, казалось, угасала и когда очень известные христиане не выдерживали, - отрекались. "Это была трагическая эпоха, требовавшая большого мужества и верности".

Перед смертью отец Серафим поручил своих духовных детей двум очень близким ему людям: отцу Иераксу и отцу Петру Шипкову. Отец Иеракс также пребывал в подполье и тайно жил недалеко от Загорска. Отец Петру рукоположен самим Патриархом Тихоном и даже был какое-то время его секретарем. После нескольких лет ГУЛАГ он смог устроиться на работу на фабрику в Загорске, где стал счетоводом. Однако, в результате доноса

Отец Серафим

оба священника были арестованы в 1943 году, так же, как и монахиня, у которой обитал отец Серафим. В это время владела Афанасия, который провел уже много лет в лагерях, а сейчас находился в ссылке в Сибирь, вновь был арестован. Все они были осуждены как руководители "подпольной религиозной организации". Дело дошло до того, что органы выкопали тело отца Серафима.

"Поража пастыря и рассеюся овцы стада". И тем не менее в Загорске продолжал существовать подпольный женский монастырь, где духовником до самой смерти был отец Серафим.

После его кончины настоятельница мать Мария продолжала укреплять нового Александра и помогала ему формироваться духовно. В одном письме отец Александр отмечал, какое значение имели для него встречи с этими Божиими людьми. "Наш сестра, ученик Оптиных старцев и друг о. А. Мечева, в течение многих лет осуществлял старческое руководство над всей нашей семьей, а после его смерти это делали его премирники, люди большой духовной силы, старческой умудренности и просветленности. Моё детство и отрочество прошли в близости с ними и под сенью преподобного Сергия. Там я часто жил покойной схимницею Марии, которая во многом определила мой путь и духовное устроение. Подвижница и молитвенница, она была совершенно лишена черт ханжества, старостерства и узости, которые нередко встречаются среди лиц ее звания. Всегда полная пасхальной радости, глубокой преданности воле Божией, ощущения близости духовного мира, она напоминала чем-то преподобного Серафима или Франиска Ассизского. У матушки Марии была черта, роднящая ее с Оптиными старцами и которая так мне дорога в них. Эта черта - открытость к людям, их проблемам, их поискам, открытость миру. Именно это и приводило в Оптину лучших представителей русской литературы. Оптина, в сущности, начала после длительного перерыва диалог Церкви с обществом. Это было начинание исключительной важности, хотя со стороны начальства оно встретило недоверие и противодействие. Живое продолжение этого диалога я видел в лице о. Серафима и матери Марии. Поэтому на всю жизнь запала мне мысль о необходимости не прекращать этот диалог, участвуя в нем своими слабыми силами".

Мать Мария

- Почему вы пишете "балык", когда это конченное мясо? - удивился покупатель. - Слово "балык" означает рыба и по-турецки, и по-татарски, и по-узбекски, и по-казахски - на всех тюркских языках.

- Да вы профессор, что ли? - в свою очередь удивился продавец.

- И даже заслуженный...

Такой разговор возле ларька в Хотькове произошел этим летом. Заслуженным профессором, к тому же академиком оказался Борис Александрович Рыбаков, известнейший историк и археолог. Он живет на даче в нашей местности четверть века и может уже считаться нашим земляком.

В последние годы им выпущено несколько капитальных книг, обобщающих исследования, которые велись десятки лет. Достаточно назвать "Киевская Русь и русские князья XII - XIII веков" (1982), "Язычество древних славян" (1981), "Язычество Древней Руси" (1988), "Стригольники (Русские гуманисты XIV столетия)" (1993), а также "ПЕТР БОРИСЛАВИЧ. ПОИСК АВТОРА "СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ" (1991). Книги написаны так, что от них трудно оторваться. Перед читателем разворачивается не просто история, но и ход мысли исследователя, процесс поиска. Тем не менее, что-то неизбежно остается "за кадром".

Рассказывая по моей просьбе о своей жизни, академик коснулся армейской службы. Неожиданно этот рассказ оказался прямо связан с исследованием "Слова о полку Игореве".

Вот этот рассказ.

"КОПЬЯ ПОЮТ..."

Закончил я в 1930 году университет и поступил на работу в Александровский музей. Работа мне нравилась: много интересных экспонатов, архитектура XVI века, даже сохранилась палата, где Иван Грозный убил сына.

Но вскоре я прочел в газете объявление с перечнем лиц, которые должны явиться в комиссию по распределению. А неявишихся обещали отправить административным порядком.

Я явился. И меня распределили в маленький городок на Урале, в музей. Работая там, предстояла далекая от моей специальности. Потому ехать мне туда не хотелось. Я вспомнил, как поступил В. А. Городов, известный археолог. Он в свое время с отличием окончил семинарию, и начальство направило его в Московскую духовную академию. Но служба по духовному ведомству его не привлекала. И что бы избежать, он неожиданно для всех поступил в юнкерское училище. Дослужился до полковника, был адъютантом великого князя Сергея Александровича. А во время службы познакомился с Историческим музеем да и остался там потом до конца дней.

Пример был подходящий. Я отправился в военкомат и попросил, чтобы меня призвали в армию. Встретили меня очень хорошо, спросили, что я знаю. В университете тогда давали хорошую военную подготовку. Преподавали бывшие царские генералы и полковники - Бутурлин, например. Он был начальником штаба у Реннен-

кампфа в Первую мировую войну. А как археолог я знал геодезию, картографию. И меня отправили в первую Московскую дивизию, в учебную батарею.

Располагалась наша батарея в Крутицком подворье. (Над его проездными воротами возвышается Крутицкий теремок - один из интереснейших памятников архитектуры Москвы конца XVII века. Фасад выложен многоцветными изразцами. Зодчим был Осип Стрельцов, тот, который выстроил в Троице-Сергиевом монастыре Трапезную и Царские Чертоги.)

Каждый раз, как мне приходилось выезжать верхом из ворот, я испытывал особый подъем. С детства я интересовался архитектурой Москвы. Уже в 13 лет у меня возникло какое-то торжественное состояние, когда я имел дело с древними памятниками.

А когда готовились к первомайскому параду 1931 года, мы выезжали по ночам на Красную площадь. Один раз даже с факелами. И я чувствовал себя так, как будто я участник каких-то событий XVI или XVII века.

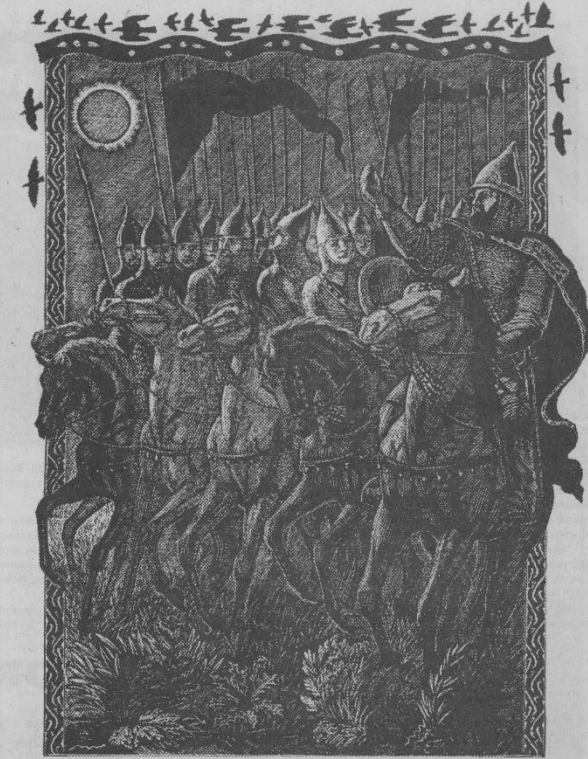
Военная служба и летние офицерские сборы, которые бывали каждый год до самой Отечественной войны, позволили мне - исторiku - хорошо изучить конное дело. Я узнал все - от "рубки лошади" до стратегических расчетов скорости конных войск. И с холодным оружием научиться обращаться. Мне это было очень интересно. Ведь в Историческом музее, где я проводил столько времени в студенческие годы, много старинного оружия. А гуманитарии не очень знали, как оно применялось. Я понял, например, что не все типы мечей, находившихся в

музее, были пригодны для конного боя. Некоторые мечи могли использоваться только как ритуальное оружие, в торжественных случаях. Я чуть руку не вывихнул, испытывая эти мечи.

После окончания военной службы стал я понемногу присматриваться к "Слову о полку Игореве". Там немало темных мест. Вот, например, некоторые исследователи считали, что Игоревое войско одно время битвы с половцами, спешившись, т. е. сходя с коней. А на самом деле всадники, сражавшиеся три дня без воды, не спешившись, а пересели на свежих коней во время битвы. Пеший не мог дотянуться до шлема врага, сидящего на коне, а в "Слове..." прямо говорится, что русские мечи гремели по половецким шлемам.

Или в другом месте "Слова..." сказано о движении конной рати, что она "притоптала холмы и овраги, взмутила реки и озера, иссушила потоки и болота". Можно принять эти строки за былинную гиперболу, когда богатырь скачет "выше лесу стоячего, ниже облака ходячего". А это вполне реальная картина марша нескольких кавалерийских корпусов по одному маршруту: вытоптана трава на холмах, обрушены склоны оврагов, замутилась повсюду вода от водопада тысяч коней, затоптаны копытами мелкие ручьи и мочажины.

Хотелось мне установить место битвы Игоря с половцами. Известно, что произошла она на реке Каяла. Но где эта Каяла? Некоторые исследователи считали, что это Калка. Но Калка находится у Азовского моря - примерно в 400 км от той последней точки, которую можно было определить, как место остановки Игоря за 10-12

часов до битвы. Вообще все надо принимать во внимание: скорость обоза, скорость всадника, помнить, что коней кормить надо - на это тоже время требуется и т. п. И если, например, в летописи сказано, что Владимир Мономах ехал из Чернигова в Киев от заутрени до вечера, то мне понятно - он мог сделать это только на подставных конях.

А пройти за 10-12 часов на конях расстояние в 400 км немислимо.

Я увлеклся еще исторической географией, картами, сам составил много карт. Любил перелагать исторические события на реальную основу. И вот изучил местность, изучил маршрут войска Игоря и составил карту. На ней с точностью до 10 км можно было определить район битвы. Прошло несколько десятков лет. И я обнаружил атлас 1847 года с картой Юга России. Представьте мою радость: там, где я обозначил место битвы, указан был овраг Скелеватый. А по-тюркски - Каяла - скалистая. По-украински это слово будет скелеватая. Речка была маленькая, сейчас она пересохла.

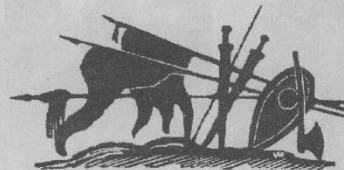
Ну, а если еще говорить о кавалерийских делах, то есть в "Слове..." загадочное место о родных братьях Рюрик и Давыде, о том, что несогласно, "розно" они действуют. Сказано так: "...нь розно

им хоботы пашут, копия поют". Хоботы - это знамена в виде полых конусов с открытым отверстием на конце. Такие знамена были с давних пор у многих народов. При движении войска хоботы наполнялись воздухом и извлеклись "пахали".

Старший брат Рюрик был основателем, серьезным, верным чувством долга человеком. Он участвовал во многих сражениях с половцами. А младший - Давыд, когда полцы под предводительством Кончака угрожали Киеву, собрал свое войско и ушел домой, в Смоленск. Так что по-разному развлеклись их хоботы.

"Копья поют" - как это понимать? Мне однажды на маневрах удалось услышать. Наша разведка шла легкой рысью в районе Звенигорода. Навстречу - кавалерийский эскадрон с пиками, притороченными к седлам вертикально: в седлах специальные кожаные гнезда были. Мы спустились с высокого берега, а встречный эскадрон поднялся. И я услышал - это потрясавшие - в пиках пел ветер, как поет Золова арфа. Ветер был довольно сильный на гребне, и мелодичный звук арфы слышался ясно.

Рассказ Б. А. РЫБАКОВА
записала Т. СМIRНОВА

Эта страница украшена гравюрами Владимира Андреевича Фаворского, художника, жившего и работавшего в нашем городе.

Начав работу над "Словом..." в 30-е годы, Фаворский неоднократно возвращался к ней. Наряду с гравюрами к "Борису Годунову" и "Маленьким трагедиям" А. С. Пушкина за оформление "Слова о полку Игореве" он был удостоен Ленинской премии.

110-я годовщина со дня рождения В. А. Фаворского будет отмечаться в 1996 году.

ЕГО КАРТИНЫ ЛЕЧАТ

К 70-ЛЕТИЮ
ХУДОЖНИКА
КОНСТАНТИНА
ФЕДОРОВИЧА
СЕРГЕЕВА

Как часто приходится слышать сетования на то, что молодое поколение любит только резкие ритмы, вызывающую одежду, словом, "выбирает пепси". Но когда я спрашиваю у группы детей или подростков, какую бы картину они стали спасать, начиная пожар на нашей краеведческо-художественной выставке, неизменно несколько человек выбирают картины К. Ф. Сергеева. И это даже не зависит от того, обращал ли на них внимание экскурсовод.

Картины неброские, неяркие. Но есть в них что-то столь задушевное, такой мягко-лиричной предстает природа нашего края, такой кажется спокойной и доброй. ... Значит, есть у нашей молодежи и другая сторона души. Та, что скрыта за внешней бравадой.

Мне кажется, что если долго смотреть на пейзажи Сергеева, то задерганная современной жизнью душа отрешается от суеты, выдерживает, как будто от картин исходит некая непознанная энергия.

Нет, не любовными призывами и плакатами можно воздействовать на душу человека, но созерцанием вечного и прекрасного. А

вечна и прекрасна природа. Вечно и прекрасно истинное искусство. И снова вспоминаются пророческие слова Достоевского: "Красота спасет мир".

Редакция поздравляет Константина Федоровича с 70-летием и предлагает вашему вниманию рассказанный им эпизод из военных лет. Наверное, и в нем читатели почувствуют то особенное отношение художника к жизни, которое сказывается в живописи. Я бы определила это человеческое качество, как отсутствие злобы.

На снимках: К. Ф. Сергеев на летних офицерских сборах. Начало 70-х годов; картина "Куст. Загорское море."

Печеные яблоки

Рассказ К. Ф. Сергеева, прозвучавший на встрече художников - участников Великой Отечественной войны, организованной краеведским отделом 22 июня 1995 года.

После окончания военного училища я был направлен на 2-й Прибалтийский фронт под Великие Луки. Шли бои местного значения, стояли мы в обороне, был я ранен, после излечения опять вернулся в свою часть. Началось освобождение Белоруссии. Немцы тогда применяли тактику выжженной земли и при отступлении сжигали все дома, сараи.

Мы шли по направлению Ригу. И вот при пересечении белорусско-латвийской границы увидели целые деревни, хутора (там больше хуторов было). Видим: пасутся телата, гуляют куры... Это было так неожиданно. Вероятно, немцы рассчитывали, что мы

не дойдем до этих мест. Но им пришлось отступить, и скоро они вновь стали применять ту же тактику выжженной земли. И опять горели населенные пункты.

Вот в одном из хуторов мы увидели сожженные постройки, обгоревшие яблоки. Стволы были целы, а листьев на них совсем не было. И на ветках висели яблоки, печеные яблоки. Так удивительно! Это в августе было.

А год яблонами стояли поджогоревшие ульи. И мы стали, конечно, есть эти яблоки, этот содовый мед вместе с пчелами. Еда была великолепная, только после нее язык у меня так распух, что я целые сутки не мог го-

ворить... И совсем не думал, что через 3 - 4 дня я сам окажусь в положении печеного яблока.

При освобождении очередного хутора я был ранен: получил сквозные пулевые ранения бедра и голени. Перевязал я ногу индивидуальными пакетами. Но постройка, которая была рядом, вспыхнула. И я испекался почти так же, как те яблоки. Ну, потом меня ребята вынесли на плащпалатке. Ожоги были сильные. Отправили меня в госпиталь в Свердловск. Пролежал я там девять месяцев. Только в конце апреля 1945-го выписали домой на долечивание.

И вот теперь, через 50 лет, с улыбкой вспоминаю этот эпизод моей жизни:

*Стражи прошлогодней листвы,
Мы с грустью вспомним
о былом.*

*Прошедших дней и мыслей
стая
Нас осенит своим крылом.*

*И все, что кажется унылым,
Перевалят через гора,
Простым и невозвратно
милым*

Нам вдруг покажется тогда.

Рассказ художника
Константина Федоровича
Сергеева записала
Т. СМЕРНОВА.

Десятый праздник поэзии Бориса Пастернака

состоится, как всегда,
в первое воскресенье
октября.

Ждем вас
в концертном зале
спорткомплекса "Энергия"
(Хотьково)
1 октября в 13 часов.

Выступят поэты

ЛЕВ БОЛЕСЛАВСКИЙ

и МАРИЯ МУР-ВЪЕВА

Прочтут песни на стихи Пастернака
в исполнении ЯЕВРА СТУАРЧЕКА,

а также романсы

в исполнении ЛЮДИИ АСТАФЬЕВОЙ.

Вы услышите выступления учащихся

Сергиево-Посадской гимназии.

ПОИСК

* Может быть, у кого-то сохранились старинные елочные украшения: вагные фигурки животных, плоские серебряные картонные игрушки, флажки, гирлянды, вагные Дед Мороз и Снегурочка... Краеведческий отдел приобретет их для устройства новогодней сцены для ребятишек, их бабушек и дедушек.

Обращаемся к бабушкам, дедушкам, к людям преклонного возраста: напишите в "Краеведческий вестник" о том, как вы встречали Новый год, какие получали подарки, как украшали елку, в какие игры играли, какие песни пели.

* Краеведческий отдел приобретет иголки для патефона, старинные пластинки.

* Если в какой-то школе сохранились горн, барабан, знамя и прочие атрибуты пионерской организации, сообщите, пожалуйста, в краеведческий отдел музея.

* Нужна школьная форма девочки (коричневое платье, черные и белый фартук).

Наш адрес: Сергиев Посад, Антекарский пер., 2.
Тел. 4-92-07.

Краеведческий отдел музея-заповедника благодарит заслуженную учительницу Сергиево-Посадской школы № 1 Людмилу Ивановну ЗАЙЦЕВУ за помощь, оказанную при изучении восприятия детьми картин художников - участников войны на выставке "Загорчане в годы Великой Отечественной войны".

Для детей, желающих лучше знать свой край

Если вы хотите видеть своих детей не Иванами, не помнящими родства, а культурными людьми, знающими свой край, его историю, вы можете записать их в юнорскую секцию краеведческого клуба "Хронос". Она предназначена для школьников 7 - 10 классов.

Их ждут беседы и лекции, встречи с интересными людьми, увлекательные экскурсии. Занятия планируются по субботам во второй половине дня. Взрослым предоставляется право посещения занятий вместе со своими детьми без дополнительной платы.

Прием ограничен.

Справки по тел. 4-92-07 днем
и 3-57-02 вечером.

Клуб любителей истории
и краеведения

"ХРОНОС"

приглашает жителей города и района
на цикл лекций.

23 сентября 1995 года

Лекцию "Культура Древней Руси" прочтет академик Борис Александрович РЫБАКОВ.

14 октября 1995 года

Лекцию "Лев Толстой в Сергиевом Посаде" прочтет профессор, член научной группы по изучению жизни и творчества Л. Н. Толстого Борис Сергеевич СВАДКОВСКИЙ.

28 октября 1995 года

Лекцию "Загадка Александра Пересвета" прочтет писатель-историк Андрей Леонидович НИКИТИН.

11 ноября 1995 года

Состоится экскурсия в музей Абрамцевского художественно-промышленного колледжа им. В. Васнецова.

25 ноября 1995 г.

Лекцию "Игрушка - дело серьезное" (к истории первого в мире Сергиево-Посадского научно-исследовательского института игрушки) прочтет искусствовед, кандидат педагогических наук, заслуженный деятель культуры России Галина Григорьевна ЛОКУШЕВСКАЯ.

Лекции будут проводиться в библиотеке ЗОМЗа два раза в месяц по субботам. Начало в 15 часов. Телефоны для справок: 4-92-07 (краеведческий отдел музея-заповедника); 6-91-86 (библиотека профкома ЗОМЗа).

Абонемент на лекции можно приобрести в библиотеке профкома ЗОМЗа у дежурного. Его стоимость 5 тыс. руб.

"Ожившие фотографии" -

так мы назвали музыкально-театрический вечер для педагогов Сергиево-Посадских школ. Он будет проходить накануне Дня учителя в четверг, 28 сентября, в Малом зале ДК им. Ю. Гагарина на выставке "Загорчане в годы Великой Отечественной войны".

Начало в 15 часов.

Вход по приглашениям.